

первый день 1764 года), «И се царица растворяет» . . . (О да на день тезоименитства, 1766) и др. «Крутящиеся кони» Крылова, повидимому, восходят к коням В. Петрова, которые тоже «крутятся» (О да на карусель, 1766). «Колелет основанья гор» у Крылова бог; у Сумарокова от гнева бога «Мянутся основанья гор» (П с а л о м 17). Астрейя, как символ справедливости и комплимент царице, есть и у Сумарокова (О да на первый день 1764 года). Обиженный Арей Крылова восходит к Марсу у Нептуну оды 1747 г. Ломоносова, Марсу оды Ломоносова 1748 г., Марсу оды Сумарокова на восшествие на престол 1762 г. и т. д. Строфа 14 у Крылова: «О сколь блаженны те державы. . .» и т. д. повторяет много аналогичных наставлений монархам под видом их прославления (ср., напр., у Хераскова «Державы те благополучны . . .» и т. д. в оде «И ю н я 28 д н я 1764 г о д а», строфа 3, или в «О д е н а п р и б ы т и е. . .», 1767, строфа 16; у Ломоносова в «О д е 1757 г о д а», строфа 13 и др.). Есть у Крылова и то самое обращение к богу, о котором так пронически писал Княжнин (ср. для этого мотива хотя бы у Ломоносова в оде 1743 г. — заключение; в оде 1745 г. — заключение; в О д е на день восшествия . . . 1746 года — заключение; «О да 1754 г о д а» — заключение; «О да 1759 г о д а» — заключение; «О да П е т р у III 1762 г о д а» — заключение; у Хераскова «О да на день коронавания 1766 года» — заключение). У Крылова в конце оды разверзается небо, и бог говорит речь Екатерине; у Ломоносова в небе появляются «предки» императрицы (О да 1759 г о д а), бог из неба говорит Петру I (О да 1761 г о д а), Петр говорит Екатерине (О да Е к а т е р и н е 1762 г о д а). Даже рифма к имени «Екатерине» — «ныне» — та же, что у Хераскова в оде на мир с Портою 1774 г. (ср. у Княжнина о рифме Екатерина — крина). Характерны также персонализации чувств, пороков и т. д. (коварство, раздор, в стр. 9, смятенья, страхи, болезни, рабство и т. д., в стр. 10), восходящие к поэтике, устаревшей ко времени Крылова. Можно было бы привести еще много материалов в доказательство того, насколько ода Крылова пронизана привычными формулами одической поэзии. От державинского стиля в ней нет ничего, кроме, может быть, повторений слов «Рекла. . .» в строфе 11 и опять — «Он рек» два раза в строфе 21, отдаленно напоминающих аналогичные формулы у Державина (их можно найти и до него).

Несколько искусственный характер оды Крылова, ее неорганичность в его лирическом творчестве, выразившиеся и в традиционном архаическом стилистико-композиционном оформлении и в заключенных в ней похвалах Екатерине, выясняются еще больше, если учесть, что сам Крылов оставил свидетельства своего более чем подозрительного отношения к казенным одописцам и их произведениям. В «Почте Духов» (ч. II, П и с ь м о XVI) говорится с презрением о вельможах, не смеющих говорить царям истину и читающих «им только оды и надутые записки о победах».